

Едешь иной раз по Русскому Северу — боль и тишина на сотни верст. От большинства сел и деревень ни домов, ни сараюшек малых не осталось, все сгнуло вместе с именами тружеников. Ушли люди кто за лучшей долей, кто на погост. Пропали с карты названия жилых мест, заросли горьким осинником дороги. Хорошо, если урочище осталось отмеченным, а то вообще — вечная безнадежная пустота... Поморью повезло. Когда-то шли сюда люди за промыслами, за достатком. Приходили и те, кто хотел веру сохранить древнюю, внове не переписанную. Море собирало возле себя всех и уже не отпускало: разлетались по свету семена, разносились плоды, но корни, оставаясь в поморской земле, новые и новые отпрыски порождали. Без неустанного труда здесь жизни нет. Кто прижился, принял, укрепил в себе законы морские, тот и стал помором. Так из родовых общин выросли трудовые династии, многие из которых сотни лет насчитывают, десятки славных имен. Среди них промышленники, судовладельцы, герои сражений, именитые колхозники. Во всякое время они трудом себе дорогу прокладывали, а чьи-то внуки и правнуки и ныне мостят, в новый век.

Рассказ наш необычный, о колхозе, который 95 лет, не меняя устава, дает жизнь поморскому селу Колежме на берегу Белого моря. Часто можно услышать удивленное: «А что, колхозы еще существуют?» Причем такой вопрос, простительный жителю Подмосковья, могут задать и в Карелии. Да, колхоз существует! За почти вековую историю ему удалось сохранить свое имя. Мало таких предприятий осталось в Поморье. Это настоящее коллективное хозяйство без тени иронии, которая часто проскальзывает в упоминании подобных трудовых общин. И в том заслуга его работников, заложивших настолько прочный фундамент, что никакие лихолетья не смогли его разрушить. «Заря Севера» — колхоз-долгожитель, достойный того, чтобы занять почтенное место в новейшей истории Русского Севера.

Андрей САЛИН

г. Пушкино Московской обл.

ЗАРЯ, КОТОРАЯ НЕ ГАСНЕТ

Про колхоз, про его людей наш рассказ: пусть имена и труды превратятся в доброе слово.

* * *

Поморье — край изначально рыбацкий. Для людей, по сути живущих здесь на краю света, море стало благословенной нивой, кормильцем, источником довольства — не всегда постоянным, но обнадеживающим. Поморский характер жесткий, сметливый, упорный, рожден в общении с морем, закален ветрами и штормами. Жизнь течет здесь размеренно, отмеченная вехами разлук, встреч и ожиданий. Так было в досюлишных веках, так оно и осталось поныне. Только что теперь и земля плоды родит, а не одно море кормит. Вот Колежма-село, старинное, до самих Соловков выстроенное в устье рыбной реки — кто жил здесь, во все времена трудом промыслили, всему научились. Привыкли к зажиточности, своими стараниями заслуженной. Потому артели не порушили, не разбежались по городам, коллективизации не уstraшили — так и жили общинно. В 1930 году первыми объединились в колхоз и продолжили заниматься привычным промысловым делом. Почти век прошел, и до сих пор без греха гордины, но с гордостью за свое бытие говорят: «Мы, колежма, на своем месте!»

Устроилось все так. Когда интервентов из Поморья выгнали и советскую власть укрепили, колежемские рыбаки собрались в артели. Промыслы вели летом на Мурмане, а зимой промыслили на родном беломорском льду навагу и селедку. В 1930 году артели объединились в колхоз с красивым именем — «Заря Севера». Из девяти рыбацких колхозов Сорокского района он первым отпартовал о своем создании под председательством земляка-колежемца Тимофея Григорьевича Пакулина. Количество желающих стать членами колхоза росло быстро — тут, конечно, молодежь, комсомольцы постарались. Колежемская ячейка на хорошем счету в районе была, как самая активная. Поперек старших не шли, но увлечением и восторгом своим, в чаянии светлого будущего, отцов-поморов убедили — через полгода поч-

ти все дворы в колхоз вошли. В результате вне колхозной жизни остались немногие, крепко державшиеся старины, и несколько единоличников, не одобрявших суматохи, привнесенной новой властью. Однако же иной раз кто-нибудь из них со вздохом не выдерживал и, желая быть полезным, приходил к ступеням большого двухэтажного дома рыбопромышленника Кочина, реквизированного правлением для своих служб. В колхоз старались записаться даже те, кто не мог работать: *«Заявление гражданина с. Колежма Легкого Павла Михайловича. Прошу принять меня в члены коллектива «Заря Севера», если возможно, но только я заявляю, что врачебной комиссией меня признали нетрудоспособным, только могу выполнять легкия работы. В чем и подписуюсь. 8-го марта 1930»*. Уж не знаем, что повлияло в праздничную субботу написать заявление, но Павла Михайловича в колхоз приняли в тот же день. Таких заявлений — голосов эпохи, осталось мало. Тем ценнее они теперь для нас.

Рыболовный промысел изначально был основным. Ни полей, ни скотного двора еще не было даже в планах — только небольшая конферма и сенокосы. Летние промысловые участки рыбаков «Зари Севера» располагались на Мурмане, где бригады с мая по август промыслили треску, пикшу, палтуса, даже — полярную акулу, печеночный жир которой шел на витаминные заводы. Сеть становищ, созданная трудами промысловиков прошлого века, продолжала исправно служить и советской власти. Возвращаясь с дальнего промысла в августе-сентябре, рыбаки, подготовив сетные ловушки, зимой переключались на лов беломорской сельди и наваги из-под льда. Так рыбную «жатву» удавалось собирать сразу с двух «полей» — Баренцева и Белого морей. Через два года колхоз миллионером стал — без всяких приписок процент выполнения плана рыбодобычи подскочил до 250%. В том особое отношение колежемцев к жизни: хотя и постарались комсомольцы-агитаторы, но люди про себя говорили: «Всякая власть от Бога, и нам хлеб в поте лица своего добывать завещано». Самого Бога-то не предали — колхозным со-

ветским бытом жили, а храм сельский позже всех, говорят, в 1939 году только закрылся. На дрова и стройматериал церкву не раскатали, клуб в ней обустроили: так хорошо сохранилась, что хоть сейчас купола ставь и открывай. Иконы не пожгли, как в иных местах, — по семьям сохранили. Даже колокол один утаили от сдачи на металл, на учет поставили, как пожарное било...

Так и трудились — то здесь, то там. Привычней, конечно, колхозникам было зимой рыбу-навагу промыслить. Северная навага — рыба известная. Невелика, но с особым вкусом. Когда-то в самой Москве у купцов-гурманов и на архиерейском дворе в почете великом была, наравне с белужатиной и благородной семгой. В Астрахани, «рыбной столице», ей внимание оказывали. При Советах навага в народ пошла, заняла свое место в школьных и заводских столовых, многих на севере накормила. Наважий промысел древний, трехсотлетний. В мороз, затемно да в короткие январские дни, но продумано все до мелочей: рыбаки ловушки на лед с рассветом вывезут, пешнями и пилами проруби-ерданы прорубят, опустят под лед длинные сетные бочки с горлами «на воды», то есть на прилив и отлив, с которыми рыба идет. Каждый день на лед ездить надо, проверять мерёжи, трясина от тины, улов выбирать, очищать от сора, снулой и мелкой рыбешки. Ловля наваги со льда была основана на конской тяге — с помощью лошадей вывозили на лед мерёжи и доставляли на берег улов. «Заре Севера» необыкновенно повезло, что старшим конюхом конного двора стал бывший рыбак-батрак, выходец из лесной карельской дали Яков Иванович Юдин. Лошадей он любил, как детей своих, жеребят молоком отпаивал на трудодни заработанным. Строг был, вот только при нем ни падежей, ни болезней конный двор не знал. Впоследствии Яков Юдин свой колхоз на всю страну прославил — в 1948 году за успехи в коневодстве первым в Карелии получил золотую Звезду Героя Социалистического Труда и смену после себя оставил достославную. Но то было позднее.

* * *

В самый расцвет, когда поморское село обновилось, пришла война... Все рыбаки сразу же на фронт ушли, большинство на ближний, Ленинградский. В первые месяцы треть призванных воинов-колежемцев погибла — страшное время, скорбное! Мужской силы в колхозе почти не осталось — только заслуженные старики. Зимняя путина подошла — кому на лед Колежемской губы идти? Вышли дети и женщины. Не в силах управляться с тяжелыми снастями, они осваивали старинный способ удебного лова — достали из сараев забытые удочки-клёшшицы и лопаточки-чепели, впряглись в саночки-керёжи, и бывшая до недавнего времени детская забава вновь превратилась в промысел: пошла беломорская рыба фронту! Пытались солдат с местного военного аэродрома к промыслу приставить — не сложилось: с ловушками-мерёжами управляться от рождения учатся, а уж погоды знать и места — это опыт многих поколений. Хорошо, что пожилые рыбаки Петр Михайлович Кононов и Григорий Иванович Терентьев, которые летом ловили треску и полярную акулу в Баренцевом море, зимой помогали колежемским бригадам. За свои неустанные рабочие подвиги Петр и Григорий в 1942 году были награждены орденами Трудового Красного Знамени, потом и «Знак Почета» им дали. Вскоре приказ вышел: часть рыбаков с фронта вернуть. Кто возвратился, а кто и дальше до Берлина пошел. Как бы то ни было, колхоз ни дня без дела не оставался. К рыболовству новый промысел добавился — морские водоросли заготавливать. Ранее на всю эту туру и лапугу только как на досаду смотрели — сети забивает, рыбачить не дает. А тут вдруг морская трава ценным сырьем стала: лекарства, смеси питательные для спасения ленинградских детей начали выпускать. За лето быстро освоили новое промысловое дело, которое открыло новую страницу летописи «Зари Севера».

Пройдя через военные испытания, почти все, кто Победу встретил, на стороне не остались, в родное село вернулись — в орденах и медалях,

кто без ноги, кто без руки, кто раны незаживающие с собой принес. Долго ведь для ветеранов ни льгот особых не было, ни послаблений в стаже. Работали, невзирая на боль и тяготы. Иван Михайлович Боровой без руки остался, так устроился на конный двор шорником — хомуты, упряжь изготавливал. Тяжелую кожу и двумя руками шить трудно, так что можно оценить упорство недавнего фронтовика в желании полезным быть. У Михаила Евдокимовича Егорова война ногу отняла, так и на одной бригадировал, водоросли заготавливал, перед молодежью передовиком-ударником стал. Александр Алексеевич Лёгкий в живот ранен был, не заживало, так и проходил всю жизнь в повязках, работая наравне со всеми. А вот не чудо ли? Из семьи Александра Ивановича и Анны Федоровны Пакулиных семь братьев на фронт ушло: Степан, Сергей, Иван, Никифор, Павел, Авенир и Михаил. Бросала их судьба от Заполярья до Германии, служили в боевых частях, все с орденами, и все семеро вернулись домой живыми, даже неизранными! В честь Никифора Пакулина потом рыболовецкий траулер назвали — большая честь, достойная героя... А так, конечно, только половина призванных из боев живыми вышла, в каждой семье колежеской потерю оплакали, кто сына, кто мужа или брата. Но возвратившиеся в родное село ветераны так рьяно взялись за дело, что всего за три года довольство вернули, снова колхоз в миллионщики выбился.

Не морем единым богател колхоз «Заря Севера»: пришло время и сельское хозяйство развивать. Поморская земля не слишком благосклонна к земледелию: болота, глины, пески с валунами. С давних времен повелось окрест села не сеять и не жать, а брать у природы то, чем поделиться. Если девушки из окрестных сел выходили замуж «за в» Колежму, то говорили, что они «опорки снимают» — здесь не пахали и не сеяли, только разводили скотину, корм для которой готовили сами, косой-горбушей на лугах и полянах. Война поморов к земле приучила — стали огороды разводить, а с того, как сами говорили: «Небогато жили, зато не голодно». Потом отвоевали у болот гектары под пашню,

и завелись в Колежме целые поля: капуста и картошка — для себя, брюква и турнепс — на корм скотине. В этом Марианна Мартыновна Золотовская постаралась, до нее про диковинный турнепс и слыхом никто не слыхал, сама семена привезла, растить научила. К тому времени, помимо лошадей, коровы да овцы в сельскую жизнь вошли. Женским рукам дел прибавилось, все хозяйство на них: от зари до зари на ферме и в поле. Конюшня, коровник, овчарня, позже и свинарник — выросли в полях за рекой, словно дворцы. И то правда, что содержались чисто и опрятно, а слава жонок-колхозниц вышла такой же громкой, как и слава их мужей-рыбаков. О женщинах Колежмы особо сказать надо. В годы 50-е и 60-е, если кто зашел бы на колежемскую ферму, то познакомился бы с удивительными работницами. Марфа Ивановна Пайкачева и Фекла Ивановна Мыхина многое знали, золотые слова от них записаны: и духовные, и былинные, и заговоры разные. Мария Ивановна Баканова, Февронья Кузьмовна Постникова, Агния Матвеевна Золотовская и Зинаида Кирилловна Синицына сохранили и приумножили то, чем всегда Колежма славилась — песни поморские, поступь хороводную, обряды свадебные. Пелагея Кузьминична Мыхина, Мария Григорьевна Епифанова и Наталия Яковлевна Золотовская молодняк на ферме выхаживали, конный двор в образцовом порядке держали. Досюлишно на селе хорошо помнят имя Татьяны Михайловны Кубасовой, которая всю молодость, от военного лихолетья, в море ходила рыбачкой, затем на ферму пришла, и вскоре признали ее одной из лучших доярок Карелии. Да что говорить: какое женское имя колежеское ни назови (а их многие десятки) — это судьбы для красивых рассказов и повестей!

Никакими трудоднями не исчислить, сколько еще сил вложили поморские жонки в то, чтобы имя колхоза «Заря Севера» осталось в истории, в памяти, в творчестве. Им особый почет и поклон. Так истари сложилось, что участь поморки все время кого-то провожать, ждать, надеяться, верить, рук не покладать, разделять тяжесть каждой поднятой ноши с

мужьями и сыновьями. Войны, одна за другой пытались обезглавить село, забирая самых сильных и крепких мужчин. Также и море собирало свою жестокую дань, оставляя семьи без кормильцев, место которых занимали их жены и матери. Недаром большая часть поморских песен — плачи крылатые, обращенные вдаль, мятущиеся в поисках вестей. Петь-то пели, но работали везде, где потребуется любая сила, — на земле, в море, на службах разных и в семье. Колежемки, колхозницы-рыбачки Юлия Ильинична Легкая, Антонина Григорьевна Синецына, Клавдия Григорьевна Кононова, Антонина Григорьевна Исакова проявили свой характер на фронтах Великой Отечественной войны. Нина Антоновна Синецына, Клавдия Николаевна Егорова, Александра Ивановна и Анастасия Алексеевна Кононовы, Анна Алексеевна Сергеева и Мария Степановна Мыхина, Анастасия Алексеевна Золотовская, Евдокия Григорьевна Легкая и Августа Михайловна Крошнина по 40-50, а то и более лет отдали колхозу, долгой жизнью его прославили и стяжали того, чтобы имена их помнили. И наград у них, как у настоящих полководцев, — и грамоты почетные, и медали, и звания...

Поистине отдельного сказа требует судьба Ираиды Григорьевны Лёжкой — 11 детей родила, воспитала, в люди вывела — засияла на ее груди, вскормившей целый род, золотая звезда Матери-героини! Для Ираиды и мужа ее, Александра Федоровича, это как ответ был тем потерям, что война на родину принесла. Да что говорить — почти в каждой колежемской семье есть женщины, кто получил медаль Материнства, а то и орден «Материнская слава». Чтобы награды такие высокие получить, детей не только родить надо, но и воспитать. Не пример ли нам, потомкам?

Среди тех, кто учил нынешних колхозников — Мария Яковлевна Баканова, много лет стоявшая на посту директора колежемской школы — хранительница истории поморской. Мария Федоровна Егорова — та детишек в детском саду воспитывала, чутко и ответственно. Анастасия Ивановна Отавина — малышам первые

науки давала в сложные времена нового времени — в начале 90-х годов. Анастасия Ивановна — человек жизнерадостный, отзывчивый. Если какая экспедиция в село, фольклорная ли, научная — все к ней, гостеприимной хозяйке. И, конечно же, Любовь Николаевна Егорова — единственный и незаменимый фельдшер Колежмы, больше чем полвека на посту своем, не оставляет заботами каждого на селе. Без них, работниц с такими пожизненными стажами, что имели бы?

Вернемся в труды и заботы, вспомним эпоху светлую героическую: то в космос летим, то атомными ледоколами льды в Арктике ломаем. В Колежме своя атмосфера — прогресс пришел сюда, как и в каждый дальний уголок огромной страны. Однако, побродив по берегу, побывав на промыслах, ушел, оставив только лодочные моторы вместо парусов, и снегоходы-«Бураны» вместо лошадей. И не потому, что люди против прогресса были, а оттого, что местные промыслы уникальны и самодостаточны. Во многом их нельзя было механизировать — редкий случай, когда ручной труд оказался победителем. Ведь даже дрова колоть машину изобрели, а вот рыбные мерёжи как достигли совершенства лет сто назад, так и остались, что ни убавить, ни прибавить. И никакая машина их в зимних сумерках под лед не поставит, не проверит, улов не вычерпает. Водоросли собирать — тоже руками: со дна железные драги тянуть, потом морскую траву на берегу сушить, вороша вилами каждый час, кипы паковать, грузить и вывозить на самосшитых лодках. Были инженеры в министерстве, хотели завести роботы-манипуляторы, чтоб труд колхозников облегчить и вообще заменить. Но приехали, посмотрели на участки промысловые и отступились от прогрессивных идей — проще на Марс оказалось робота послать, чем запрограммировать его среди камней и вязкой няши фукус резать. От тех идей бумага в колхозном архиве сохранилась: читаешь — и смешно, и наивно, хотя и благое дело инженеры задумывали.

Так и остались поморы-колхозники при своих руках, мерёжах, драгах и лодках. К сло-

ву, лодки те, называются они в Поморье карбаса, — гордость Колежмы. В старые годы на все Белое море здесь их шили и клепали известные мастера все из тех же местных фамилий. После Отечественной войны карбасное дело возродил Александр Федорович Лёгкий, тот самый, отец одиннадцати детей. Своим мастерством и колхоз обеспечил, и соседние села — сотни карбасов деревянных, прочных выстроил. От него опыт к племянникам перешел: Анатолий Степанович Лёгкий сохранил традицию в деталях, а Сергей Степанович — совершенства добавил. Лодки Сергея Лёгкого ловкие, ладные, в каждую вложена душа с инженерной смекалкой. На всю страну мастер известен стал, где только его суда людям не служат: в Крыму, Подмосковье, Орле, в родной Карелии и на далеком Байкале. Теперь внуков приучает, с инструментом знакомит.

Сказ не сказ без песен... Как работать-то? Не так давно юбилей на селе праздновали, громко, песенно — «Колежемским напевам», ансамблю местному 80 лет: почти ровесник колхозу — и часть его неотделимая. В трудную военную пору созданный, сохранил и вобрал в себя все лучшее, чем славился Поморский берег — то заслуга немалая тех жонок, что передали искру старинной культуры молодежи. Особую известность «Колежемские напевы» получили еще и потому, что в свое время мужчин-участников в нем было даже больше, чем женщин, и знаменитую поморскую кадрили танцевали как в былые времена — настоящими парами! Особенную «колежемскую поступь» изучать и записывать приезжали из Москвы — поныне у знаменитой «Березки» хороводы колежемские в чести. На гастроли ездили, как знаменитые артисты — по родным карельским залам, в Москву и Ленинград, даже за границу — в Норвегию. Это уже позднее, конечно, в 80-е, когда руководил хором Иван Иосифович Отавин — большой души человек был! Вот, скажите, сколь у людей пыла и вдохновения имелось, что и работать успевали, и радость себе и другим дарить? Нам бы столько энергии доброй, неумной!

* * *

Теперь отметим непременно, что «Зарей Севера» руководили замечательные люди, коренные колежемцы, знающие свое дело, недаром многие стали почетными работниками, рыбаками-отличниками, орденосносцами. Иван Степанович Васильев, например, дважды председателем побыл. Сначала в 1931-32 годах, еще комсомольцем, а затем — через тридцать лет, уже опытным хозяйственником. При нем водорослевый промысел расцвета достиг, а на колхозную ферму делегации со всей Карелии приезжали опыт перенимать. За все то получил Иван Степанович орден Трудового Красного Знамени. К слову, орден такой грудь еще одного рыбака-колежемца украсил — Василия Ивановича Крошнина.

Известный председатель, память о котором жива, — Василий Григорьевич Лёгкий, ветеран войны, настоящий идейный коммунист (в лучшем, ныне почти забытом смысле этого слова). Любил он председательствовать «на местах» — много времени проводил вместе со всеми на путине и в поле, успевая совмещать организаторские таланты с трудовыми. Василий Григорьевич боевых наград много имел, так и на мирной службе удостоился высокого ордена «Знак Почета».

Григорий Иванович Егоров в конце 80-х шесть лет председателем был. Благодаря его настойчивости приобрели траулер «Алексей Афанасьев», верой и правдой служивший в Северной Атлантике, океанскую рыбу ловили, кормили и страну, и своих односельчан с того промысла. Еще будучи звеньевым, получил Григорий Иванович редкий орден — Трудовой Славы 3 степени.

С 1990 года руководство колхозом перешло к Ивану Григорьевичу Егорову. Это было сложное испытание и для колхоза, и для страны. Распадается Советский Союз, вступили в свои жестокие права «лихие девяностые». Потом им на смену приходят странные «рыночные» метания и еще всякой чертовщины навалилось.

Между тем и в этой схватке со временем «Заря Севера» вышла победителем и продолжает существовать по сей день. Почетный работник сельского хозяйства, Иван Григорьевич, бесценно, 35 лет в председателях. Значит, на своем месте человек.

Вот еще что интересно — годы-то шли, а устав колхоза в основе своей не менялся. Едва ли найдешь еще одно такое сельское предприятие, которое 95 лет существует на фундаменте, заложенном от своего основания. Да, многое переродилось, ведь и мир вокруг другим стал. Нет уже ни полей, ни ферм. Но люди продолжают работать в море, не стыдясь имени колхозника, которое здесь звучит гордо. У многих колежемцев в трудовой книжке одна запись, с которой они на пенсию выходят, — рыбак! Да и на заслуженном отдыхе покоя не ищут, наставляют для молодежи. Таковы Григорий Иванович Егоров, братья Анатолий и Василий Степановичи Лёгие, Александр Васильевич Сеницын, Александр Александрович Лёгий. Другие по сей день в строю — Сергей Андреевич Сергеев, Иван Сергеевич Никонов, Виктор Владимирович Баканов, Владимир Евгеньевич Кочин — он второй по старшинству в правлении, уважаемый человек. Ну а женским лицом

сейчас глядят Елена Владимировна Лёгая и Таисия Васильевна Ячменева: через их руки проходят все важные документы, становясь частью истории колхоза и села, которая продолжается в детях, внуках, ближних и дальних родственниках известных поморских фамилий, а молодежь, «кровь» любого села, с честью продолжает традиции.

Вот так и живет-векует поморский колхоз «Заря Севера», покаясь и на мужских плечах, и на женских, словно на Атлантах. Всякое было, конечно. Каждое десятилетие не только блага, но и вавилоны-сумятицы разные привносило. Но ведь, повторимся, не разбежались люди, не бросили родимые берега! Для Колежмы современной, колхозной, большие семьи славой стали: Бакановы, Богдановы, Боровые, Егоровы, Золотовские, Истрашкины, Кочкины, Кубасовы, Крошнины, Кликачевы, Лёгие, Никоновы, Отавины, Постниковы, Пайкачевы, Пакулины, Сапуновы, Сеницыны, Терентьевы, Шумовы — целый трудовой век эти фамилии дают селу надежды на будущее, и не гаснет заря над морем. Поклон им и многие лета!

Андрей Александрович САЛИН

родился 19 ноября 1975 года в г. Серпухове Московской области, ныне проживает и работает в г. Пушкино. Учитель географии, почетный работник сферы образования РФ, действительный член Русского географического общества и Ассоциации полярников, путешественник, краевед. Автор сборника рассказов «Приходило море в гости» (2018 г.), посвященного культуре Поморья и Русского Севера; книги «Герой Социалистического Труда Юдин Яков Иванович. Портрет на фоне эпохи» (2021 г.) — художественной биографии первого Героя Труда Карелии, коневода колхоза «Заря Севера» из с. Колежма. В 2021 г. стал победителем всероссийского открытого конкурса короткой прозы об Арктике «Голоса полуночных земель».

В 2022 г. — победитель регионального конкурса сторителлинга «Маленькие истории большой Карелии». В журнале «Север» публикуется впервые.

